

МОНЕТНОЕ ДЕЛО ХЕРСОНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VIII в.

Ценность изделий бронзового литья и чекана Херсона как исторических источников на данный момент общепризнанна. Во многом благодаря использованию результатов нумизматических исследований наши представления о жизни этого города были неоднократно и кардинально скорректированы. Однако многие периоды истории монетного дела Херсона так и остались “белыми пятнами”. К примеру, и сейчас специалисты в этой области нумизматики не могут прийти к единому мнению по вопросу о возможности датировать те или иные серии бронз Херсона VIII – первой третью IX в. Часть их, вслед за В.А. Анохиным, считает, что в это время в городе своих денег не изготавливали вовсе¹, остальные же, разделяя точку зрения И.В. Соколовой, убеждены, что в Херсоне тогда эмитировали анонимные выпуски, предназначавшиеся только для наполнения местного обращения². Однако обилие находок бронз этого города, обращавшихся вместе с общеимперскими византийскими монетами на территории Восточной Европы³, не дает оснований считать их местными деньгами⁴.

По-видимому, проблема состоит в том, что нумизматы за более чем двухсотлетний период исследования так и не смогли выработать общепринятые методы атрибуции большинства разновидностей бронз Херсона. К примеру, до сих пор идут горячие споры по поводу датировки монет серии “VICTORIA AVGGGE”⁵, дискутируется вопрос о причинах и последствиях массовой над-

¹ Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев: 1977. С. 103.

² Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 35–39. Табл. VI, 4–14.

³ Плетьева С.А. Древнерусский город в кочевой степи // МАИЭТ. 2006. Supplementum. Вып. 1. С. 148–150; Столярик Е.С. Очерки монетного обращения Северо-Западного Причерноморья в позднеримское и в византийское время (конец III – начало XIII в.). Киев, 1992. С. 61.

⁴ Мы уже пытались обосновать нашу точку зрения по этому вопросу (см.: Чореф М.М. К вопросу о номиналах литых бронз раннесредневекового Херсона // МАИАСК. 2008. С. 117–130; Он же. Монетное дело Херсона при Льве VI Мудром // Сугдейский сборник. Киев-Судак. Вып. IV (в печати)). Чтобы не повторяться, заметим только, что в Херсоне в VIII–X вв. выпускали бронзовую монету стандартных достоинств с ординарными для империи обозначениями номиналов.

⁵ До сих пор в среде нумизматов идет оживленная дискуссия по вопросу атрибуции этих монет. Если представители школы В.А. Анохина датируют их правлением Юстиниана I Великого (527–565) (см.: Анохин В.А. Указ. соч. С. 98–99, 101, 103, 107. Табл. XXII, 310–314), то сторонники И.В. Соколовой относят их к выпускам Юстина I Старшего (518–527) (см.: Соколова И.В. Монеты и печати... С. 18–21). Мы уже провели небольшое нумизматическое исследование с целью атрибуции бронз Херсона первой половины VI в. Считаем, что как декануммии серии “VICTORIA AVGGGE”, так и пентануммии с монограммой “ϰόλις Χερσωνος” были выпущены при Юстиниане I Великом (см.: Чореф М.М. К истории монетного дела Херсона в первой половине VI в. // История идей и история общества. Материалы VI Всероссийской научной конференции. Нижневартовск, 17–18 апреля 2008 года. Нижневартовск, 2008. С. 246–249). Нашу точку зрения по этому вопросу см.: Чореф М.М. К истории монетного дела Херсона в первой половине VI в. // Византиноведение. СПб., 2009. Вып. IV (в печати).

чеканки при Ираклии (610–641)⁶ и о составе денежного обращения в VI–VIII вв. Еще слабее изучена история позднейшего периода монетного дела Херсона XI–XIII вв. Остается констатировать факт отсутствия обоснованного прочтения монограммы “РѠ” на аверсах самых распространенных бронз этого города⁷.

Единственной причиной столь неудовлетворительного положения в этой отрасли нумизматики стала бесконечная и бесперспективная схоластическая дискуссия по вопросу датировки ряда серий литья и чекана Херсона, развернувшаяся более тридцати лет назад между сторонниками В.А. Анохина и И.В. Соколовой. Их беспредметные споры, в которых обе стороны в качестве аргументов продолжают использовать предположения, выдвинутые и частично отвергнутые еще в XIX в.⁸, не только не дают возможности учитывать при датировке многие серии монет Херсона, но и создают препоны для дальнейших исследований.

Отметим, что эта проблема актуальна не только для нумизматов. Ведь в настоящее время считается наиболее удобным и надежным датировать объекты именно по монетам. А раз в нумизматической среде нет единой точки зрения по вопросу атрибуции большинства разновидностей бронз Херсона, то нет и оснований использовать их в качестве датирующего археологического материала. Однако нам известно, что в VIII–IX вв. Херсон оставался одним из важнейших административных и экономических центров Византии. В него ссылали попавших в опалу знатных лиц, в том числе приближенных к трону, императорских родственников или порой самих василевсов⁹. В то же

⁶ Этот вопрос уже также рассмотрен нами в: *Чореф М.М.* К вопросу о номиналах... С. 120.

⁷ До сих пор в среде нумизматов нет единого мнения по вопросу их атрибуции. Если часть исследователей, вслед за В.А. Анохиным, относят их к литью Романа III Аргира (1028–1034) и Романа IV Диогена (1068–1071), соглашаясь с его датировкой этих эмиссий соответственно XI – началом XII в. (*Анохин В.А.* Указ. соч. С. 123–124), то сторонники И.В. Соколовой приписывают их к выпускам Херсона XII–XIII вв. (*Соколова И.В.* Монеты и печати... С. 62–63, 143–144). Считаю первую из гипотез безосновательной и нелогичной. Дело в том, что ни Роман III Аргир, ни Роман IV Диоген не пользовались популярностью, они были насильственно отстранены от власти. Кроме того, в византийской монетной практике не было прецедентов посмертных эмиссий. Кстати, если при последнем из упомянутых василевсов именную медь уже чеканили, то при первом выпускали только так называемые “анонимные фоллисы”. Также известно, что в Херсон был сослан самозванец Лев (Константин), выдававший себя за сына Романа IV Диогена (см.: *Анна Комнина.* Алексиада. М., 1965. С. 266). Попутно заметим, что сама идея прочесть на общепризнанно анонимной монете имя правителя нам кажется крайне занимательной. См. наш разбор этой теории В.А. Анохина: *Чореф М.М.* Новый тип монетного литья Херсона // VII Таврические научные чтения. Симферополь, 2007. С. 137–144). К сожалению, И.В. Соколова, справедливо опровергая гипотетические предположения своего оппонента, только констатировала факт позднего поступления монет с “РѠ” в обращение Херсона, не пытаясь расшифровать монограмму. В ближайшее время мы постараемся вынести на обсуждение наши предположения по атрибуции монет с этой монограммой на аверсе.

⁸ Еще Х. Кёлер пришел к выводу, что на монетах Херсона могут быть упоминания протевонов. Ему возразил Б. Кёне: “После Романа II буквы стали заменять монограммами, и Кёлер сделал большую ошибку, приняв последние за названия Константинополя и протевонов; напротив, тогда бы сочли преступлением и изменою, если бы чиновник выставил бы свое имя на монете, выбитой по приказанию его государя” (*Кёне Б.* Херронес (Севастополь). Окончание // ЖМНП. 1855. Третье десятилетие. Ч. LXXXVIII. Декабрь. С. 197).

⁹ В Херсон в VII–VIII вв. были сосланы опальные священнослужители: папа св. Мартин I (649–653) (Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его

время доминирование теории о временном прекращении городской эмиссии в VIII в. позволила ряду исследователей выдвинуть предположение об упадке полиса и даже о временном разрыве его связей с метрополией¹⁰.

Как видим, слабая изученность монетного материала пока не дает возможности должным образом осветить важнейшие, переломные моменты истории этого города. В последнее время мы попытались исправить это положение, внося на научное обсуждение предположение об атрибуции монет серии "VICTORIA AVGGGE". Мы стремились обосновать нашу точку зрения о номиналах херсонских бронз VI–IX вв.¹¹, выдвинув гипотезу о правилах прочтения строчных монограмм на примере Λ и ΛΕ¹². Продолжая начатое ранее исследование, постараемся выделить и атрибутировать городские эмиссии, обоснованно датируемые первой половиной VIII в.

В настоящий момент предмет нашего исследования – группа редких монет Херсона, относимых большинством современных исследователей ко второй половине VII – первой половине IX в.

Как известно, на аверсах монет Византийской империи чаще всего размещали изображения правителей, обрамленные легендами, содержащими имена и титулы. В редких случаях, из-за недостатка места, вместо стандартного развернутого текста оттискивали только монограммы. На реверсах размещали обозначения номиналов, изображения соправителей, святых, а также имена и титулы василевсов или религиозные символы¹³. Как уже было отмечено ранее, используемая в Херсоне технология денежного производства (литье) не позволяла изготавливать высокохудожественно оформленные монеты¹⁴. Как правило, на его бронзах размещали только самые простые, но предельно необходимые обозначения. Среди них выделяют монограммы правителей, метки эмиссионного центра или религиозные символы.

Феофилакта / Пер. с греч. В.И. Оболенского и Ф.А. Терновского, предисл. О.М. Бодянского. М., 1884. С. 245, 258; *Theophanes. Chronographia* // CSHB. 1839. P. 509, 537), св. Стефан Новый – епископ Хазарии (*Иванов Е. Э.* Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк // ИТУАК. 1912. № 46. С. 84–85), сторонники св. Феодора Студита (Творения Феодора Студита. СПб., 1908. С. 296, 454), св. Иосиф Гимнограф (Житие Иосифа Гимнографа // Записки историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, 1901. С. 10–11), аристократы: будущий император Вардан Филиппик (711–713) (Летопись византийца Феофана... С. 277–278; *Theophanes. Chronographia*. P. 579), кесари Никифор и Христофор – братья василевса Льва IV Хазарина (775–780) с приближенными (Летопись византийца Феофана... С. 330; *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. II. Первая половина. Л., 1927. С. 143; *Theophanes. Chronographia*. P. 697), а также низложенный Юстиниан II (685–695, 705–711) (Летопись византийца Феофана... С. 271; *Theophanes. Chronographia*. P. 566).

¹⁰ К примеру, А.Л. Якобсон считал, что экономический застой и хозяйственный упадок города свидетельствовал и о временном прекращении торговых связей с Византией (*Якобсон А.Л.* Крым в средние века. М., 1973. С. 30). Для обоснования этих утверждений исследователь попытался истолковать и наличие в Херсоне самоуправления.

¹¹ *Чореф М.М.* К вопросу о номиналах... С. 117–130.

¹² *Он же.* Монетное дело Херсона при Льве VI Мудром.

¹³ *Он же.* К вопросу о номиналах... С. 117–130.

¹⁴ Впервые изображения людей появились на литых гемифоллисах в начале VIII в. (см.: Там же). В период самодержавного правления Льва VI (886–912) на аверсах городских монет оттискивали его поясной портрет (*Чореф М.М.* Монетное дело Херсона при Льве VI Мудром). Последние серии с изображениями правителей появились при Константине VII Багрянородном (913–959) (*Анохин В.А.* Указ. соч. С. 117–118; *Соколова И.В.* Монеты и печати... 44–51).

Рис. 1. Монеты Херсона первой половины VIII в. 1 – анонимный выпуск начала VIII в., 2 – Вардан Филиппик, 3 – Анастасий II Артемий, 4 – Феодосий III Адрамитий, 5 – Артавазд, 6 – Никифор

Ранее мы уже пытались ввести в научный оборот наши выводы о закономерности появления разных аббревиатур и религиозных символов на монетах Херсона¹⁵. В результате разбора этих элементов оформления нам удалось определить номиналы городских бронз¹⁶. Если наши выводы верны, то в Херсоне в VIII – X вв. выпускали гемифоллисы и фоллисы. К первым можно отнести бронзы с “П”, “ПΛ”, “ПX”, “X” или с восьмиконечным крестом¹⁷, а ко вторым – с крестом на Голгофе на оборотной стороне. В этом случае буквы на лицевых сторонах монет должны являться монограммами правителей. К настоящему времени выявлены сочетания этих аббревиатур. Так, на лицевых сторонах гемифоллисов оттискивали “A”, “Λ”, “N”, “DNTH”, “Π”, “M”, “MB” или “B+”. И если монеты с последними тремя монограммами принято датировать 842–886 гг. и относить к литью Михаила III (842–867) и Василия I (867–886)¹⁸, то вопрос об атрибуции бронз с первыми четырьмя аббревиатурами все еще открыт.

Действительно, датировка изготовленных в примитивной технологии гемифоллисов с “Π” на аверсе и реверсе и сейчас вызывает определенные сложности. Однако выработку прочтения аббревиатур “A”, “Λ”, “N” и “DNTH” мы считаем вполне достижимой.

Попытаемся датировать монеты с этими монограммами. Начнем с анализа технологии их производства. Так как все эти бронзы представляют собой, как правило, мастерски отлитые тонкие кружки с рельефными надписями на обеих сторонах, то изготавливали их квалифицированные литейщики, хорошо изучившие методику денежного литья. Заметно, что в процессе поиска наиболее техничного оформления неоднократно менялись и принципы разработки монограмм. Дело в том, что для придания монетному кружку наибольшей прочности нужно было как можно полнее заполнить ее лицевую и

¹⁵ Чорев М.М. К вопросу о номиналах... С. 117–130.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Анохин В.А. Указ. соч. С. 114; Соколова И.В. Монеты и печати... С. 34–35.

оборотную стороны. Однако сама технология денежного производства (литье) не позволяла размещать на монетах сложные, многобуквенные монограммы. Но в любом случае заметно, как от простых “А” на аверсе и креста на реверсе перешли к сложным “DNTH” и “ϠΛ”, а позже – к оптимальным крупным “Λ” или “N” на лицевой и “ϠX” на оборотной сторонах. Отметим, что наши предшественники пришли к аналогичным выводам. Так, В.А. Анохин, заметив, что монеты с “А”, “Λ” и “DNTH” очень близки по исполнению, заключил, что их выпускали в одно время¹⁹.

Перейдем к расшифровке этих аббревиатур. Так как наши предшественники не пришли к четким выводам, то начнем изучение монет сначала, т.е. с выделения отдельных эмиссий. Как мы уже отметили, на бронзах с “А” на лицевой стороне на реверсе всегда оттискивали восьмиконечный крест (рис. 1, 3), на монетах с “DNTH” – монограмму “ϠΛ” (рис. 1, 4), на деньгах с “Λ” и с “N” – буквосочетание “ϠX” (рис. 1, 5–6). Считаем, что это явление не случайно, и с учетом вариаций в оформлении лицевых сторон, получаем, что заинтересовавшая нас группа монет может быть разделена на три описанные выше эмиссии. Попытаемся их датировать. Для этого попробуем прочесть единственную многобуквенную монограмму – “DNTH”, размещенную на аверсе одной из разновидностей монет этой группы. Совершенно очевидно, что первые две буквы следует расшифровывать как “Dominus Noster” – “Наш Господин”. Известно, что последние монеты с латинскими легендами и таким титулованием правителя были выпущены при Константине V (741–775)²⁰. Соответственно аббревиатуру “DNTH”, с нашей точки зрения, следует расшифровывать как Dominus Noster Θεοδοσις – “Наш Господин Феодосий”, а бронзы этой группы датировать правлением Феодосия III Адрамития (715–717). Считаем, что наше прочтение грамматически вернее приведенного В.А. Анохиным, предположившего, что на бронзах Херсона имя Феофила (829–842) могло писаться не с “Θ”, а с “Th”. Однако ни на одной монете этого императора такого латинизированного написания имени до сих пор не выявлено. Мало того, оно неизвестно и в эпиграфике²¹. А вот “Θεοδοσις” тогда писали только через “Th”²².

В первой половине VIII в. боролись за власть два императора, имена которых начинались с “А” и “Н” – Артавасд и Никифор (742–743). В таком случае монеты с “А” на аверсе и с восьмиконечным крестом на реверсе могли

¹⁹ Мы разделяем точку зрения В.А. Анохина, установившего, что монеты этой группы были изготовлены на протяжении примерно 50 лет. Правда, исследователь датировал их IX в. (Указ. соч. С. 113–115).

²⁰ *Wroth W. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. L., 1908. P. 378–390. Pl. XLIII–XLV.*

²¹ Нам неизвестно ни единой византийской надписи, в которой имя Феофила писалось бы через “Th”. Этот совершенно бесспорный, с нашей точки зрения, факт был очевиден еще в конце XVIII в. (см.: *Lexicon universale rei numariae veterum et praecipue graecorum ac romanorum cum observationibus antiquariis geographicis chronologicis historicis criticis et passim cum explicatione monogrammatum / Edidit Io. Cristophorus Rasche, praefatus est Christ. Gottl. Heyne. T. 2. Lipsiae, 1791. P. 1. Col. 1070–1077*).

²² *Степанова Е.В. Печати с латинскими надписями V–VIII вв. из собрания Эрмитажа. СПб., 2006. С. 69–71, 81. N 85, 86, 88, 89, 104, 105. Табл. VII–VIII; Lexicon universale... Col. 1059–1067; Wroth W. Op. cit. P. 363–364. Tab. I, XLII, 1–5.*

быть выпущены при монархе, правившем в этот же период. Считаем, что их изготовляли при Анастасии II Артемии (713–715).

Отметим, что мы не первыми обратили внимание на эти монеты. Так, большое внимание их изучению уделили В.А. Анохин и И.В. Соколова. О внимательности и педантичности этих исследователей лучше всего говорит эволюция их представлений о датировке монет с монограммой “DNTH”. Как известно, В.А. Анохин уже в 1968 г. заключил, что ее надо читать, как D[ominus] N[oster] Theophilus²³. Первоначально И.В. Соколова считала, что предложенная В.А. Анохиным расшифровка “привлекает, но остается пока гипотетичной”²⁴. Исследователь не смогла согласиться с постулатом о возможности появления на херсонских монетах латинских надписей. Позже, в своей итоговой работе, И.В. Соколова отошла от своей первоначальной точки зрения, заключив, что “над буквами TH есть только одна литера N”²⁵. По ее мнению, бронзы с этой монограммой выпускались незадолго до начала эмиссии монет с аббревиатурой “MB”²⁶. Мы, в свою очередь, вынуждены заметить, что крупная точка, напоминающая очертаниями “δ”, стандартно размещаемая в начале легенды аверсов ранневизантийских монет, явственно просматривается на лицевых сторонах этих херсонских бронз. В этом смысле В.А. Анохин прав. Однако само его утверждение о возможности выпуска в Херсоне монет IX в. с латинскими надписями, содержащими титул “Dominus Noster”, нам кажется все же неверным.

Не меньше споров вызвала и атрибуция бронз Херсона с “A”, “Λ” и “N” на аверсах. Так, если Б.В. Кёне, А.В. Орешников и И.В. Соколова датировали монеты с первыми двумя монограммами правлением Александра (912–913)²⁷, то В.А. Анохин отнес их к эмиссиям неких анонимных городских архонтов²⁸. При этом исследователи смогли совершенно логично опровергнуть утверждения друг друга. Действительно, провинциальные чиновники в Византии монет от своего имени не выпускали, а если при Александре не чеканили меди в столице, то не могли лить ее и в провинции.

С нашей точки зрения, все эти гипотезы ошибочны. Так, если первая группа исследователей обращала внимание только на легенды аверсов, то И.В. Соколова, развивая общую идею расшифровки, пришла к выводу, что наличие на реверсах этих бронз монограммы “HX” “позволяет допустить

²³ Анохин В.А. Указ. соч. С. 113.

²⁴ Соколова И.В. Клад херсонесских монет середины IX в. // ТГЭ. 1971. Т. XII. С. 22.

²⁵ Она же. Монеты и печати.... С. 39.

²⁶ Там же.

²⁷ Кёне Б. Херсонес (Севастополь). Окончание. С. 198. Прим. 2; Орешников А.В. Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. М., 1892. С. 28. Табл. II, 22; Он же. Херсоно-византийские монеты // ТМНО. 1905. Т. III. С. 10. № 31. Табл. II; Он же. Херсоно-византийские монеты // НС. 1911. Т. I. С. 110. № 13. Табл. В; Соколова И.В. Монеты и печати... С. 43. Мы уже изложили нашу точку зрения по этому вопросу (Чореф М.М. Монетное дело Херсона первой половины VIII в. // Материалы Научной конференции “Ломоносовские чтения” 2008 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых “Ломоносов–2008”. Севастополь, 2008. С. 138–140). Считаем: поскольку при Александре не чеканили меди в столице, постольку и в провинциях ее не выпускали. Да и выводы о “восстановлении полисных свобод Херсона” (Соколова И.В. Монеты и печати... С. 43), основанные на спорной трактовке нумизматического материала, нам кажутся слишком смелыми.

²⁸ Анохин В.А. Указ. соч. С. 115, 125.

попытки восстановить полисные свободы в Херсоне и после создания фемы. Нам до сих пор неизвестны медные монеты императора Александра, чеканенные на монетном дворе Константинополя. Херсонский выпуск подчеркивает известную автономию чекана этого города от “установок” центрального правительства. Может быть, эта независимость была связана с возродившимися ненадолго полисными привилегиями, символ которых появился на монетах Александра в виде девиза « $\pi\omicron\lambda\iota\varsigma$ $\chi\epsilon\rho\sigma\omega\nu\omicron\varsigma$ – “полис Херсон”»²⁹. Жаль, правда, что до сих пор не найдено ни одного письменного тому свидетельства, а вопрос о причинах городских восстаний в X–XI вв. все еще не изучен в полной мере. По ходу дела добавим, что монеты с монограммами “Λ”, “Μ” и “Ν” на аверсах являлись гемифоллисами, эмиссия которых в Херсоне прекратилась в начале правления Василия I (867–886)³⁰.

Итак, если наши предположения верны, то, с учетом ранее датированных нами анонимной серии и эмиссии от имени Вардана Филиппика (711–713) (рис. 1, 1–2)³¹, в Херсоне в первой половине VIII в. лили бронзу от имени пяти византийских василевсов, что свидетельствует как о стабильно высоком спросе на платежные средства, характерном для развивающихся экономик, так и о безусловной подчиненности города империи в тот период.

Разработанная атрибуция монет позволяет сделать не только нумизматические, но и общеисторические выводы. Как мы установили, в Херсоне в первой половине VIII в. лили монету от имени пяти императоров. Четверо из них: Анастасий II Артемий, Феодосий III Адрамитий, а также Артавасд и Никифор были иконопочитателями. Однако к настоящему времени так и не выявлены городские бронзы, однозначно относимые к периоду правления императоров-иконоборцев из дома Льва III Исавра (717–741). Мы не считаем это явление случайным. Если наличие херсонских монет “эфемерных” Анастасия II Артемия и Феодосия III Адрамития еще можно объяснить только экономическими причинами, то выпуск бронз в честь Артавасда и Никифора может быть понят только как политическая акция. Известно, что последние продержались у власти всего шестнадцать месяцев и то только благодаря поддержке иконопочитателей Константинополя и фемы Опсикий³². А если учесть, что к

²⁹ Соколова И.В. Монеты и печати... С. 43.

³⁰ Чореф М.М. К вопросу о номиналах... С. 121.

³¹ Там же. С. 120.

³² К настоящему времени сосуществуют две точки зрения по этому вопросу. Первая из них была высказана В.Г. Василевским и Ю.А. Кулаковским, предположившими, что массовое возведение церквей в Херсоне в VIII в. было вызвано переселением в него иконопочитателей (Василевский В.Г. Труды. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1912. С. 296–427; Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Киев, 1914. С. 75). Ученые, проанализировав жития свв. Стефана Нового и Иоанна Готского, пришли к выводу, что город, хотя и не процветал, оставался все же важнейшим торговым городом Таврики, ее культурным и религиозным центром. По их мнению, этим периодом и стоит датировать как возведение большинства церквей Херсона, так и основание “пещерных” монастырей Юго-Западного Крыма. Как видим, слабым местом этой теории является учет только письменных источников и полное игнорирование результатов археологических исследований. Их оппоненты, вслед за А.Л. Якобсоном, считают, что Херсон в VIII в. находился в упадке и “обезлюдел” (Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. 63. С. 35; Он же. Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л. 1964. С. 27; Он же. Крым в средние века. С. 29). Отметим, что их аргументация довольно хорошо продумана и основана на анализе всех доступных к середине XX в. материалов. Действительно,

тому времени денежное производство концентрируется в столице империи, то, расшифровав аббревиатуры, мы можем не только опровергнуть противоречащие письменным источникам суждения об упадке Херсона в VIII в., но и наметить новый подход к освещению истории Крыма в VIII–IX вв.

Считаем, что этот город и в VIII в. являлся одним из важнейших административных и экономических центров империи. Причем необходимость сохранения лояльности местных жителей побуждала василевсов не спрашивать с них слишком строго даже за значительные отклонения от предписанных религиозных правил. А херсониты, в свою очередь, оставались верно-подданными иконопочитателями, ни разу за весь период иконоборчества не выступив против Константинополя.

В то же время очевидное отсутствие именных городских бронз, выпущенных в честь императоров-иконоборцев, позволяет предполагать, что монетная эмиссия от их имени в Херсоне не осуществлялась по политическим соображениям³³. Возможно, в тот период лили и чеканили анонимную бронзу с “П” на аверсе и с “Х” или “П” на реверсе. Однако это предположение требует основательной проверки, чем мы и планируем заняться в ближайшее время.

упоминаний Херсона в хрониках того времени мало, монет его эмиссии к середине XX в. выявлено не было, что, в свою очередь, не дало возможности выделить на городище слои VIII в. в качестве дополнительного довода приводилось свидетельство св. папы Мартина I, жаловавшегося на “голод и нужду”, царившую в Херсоне (*Martini, papa. Epistola XVI, Ad quemdam sibi charissimum. De excilii sui calamitate* // PL. T. 87. 1863. Col. 201D–202D, 203A–204A). Мы считаем обе точки зрения достаточно обоснованными. Действительно, Херсон, как и вся империя, находился в VI–VIII вв. в упадке. Однако уровень его деградации был не ниже, чем у большинства крупнейших провинциальных городов Византии того времени (*Сюзюмов М.Я. Социально-экономические отношения и государственный строй в Византии в конце VII – середине IX в. Город // История Византии. М., 1967. С. 23–33; Dagron G. The Urban Economy, Seventh–Twelfth Centuries // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century. Washington, 2002. P. 397–401*). В то же время дошедшие до нас упоминания Херсона в хрониках и найденные в нем печати чиновников, наличие в городе резиденции архиепископа свидетельствуют о значимости этого полиса для Византии в VII–X вв. (*Соколова И.В. Монеты и печати... С. 66–171. Схемы III–VIII; Талис Д.Л. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья // ВВ. 1961. Т. 18. С. 54–73*). С нашей точки зрения, у нас нет никаких оснований говорить о “смерти” ранневизантийского города в VII–VIII вв.: на базе этих обедневших полисов вскоре, в IX–X вв., возродились крупные административно-религиозные и торговые центры. Отметим, что и Е.Э. Липшиц не выявила никаких признаков “перерыва или изменений в сущности” византийского города в тот период (*Липшиц Е.Э. Очерки истории византийского общества и культуры (VIII – первая половина IX века. М.: Л., 1961. С. 16, 87–117*). Остальные аргументы сторонников теорий упадка и процветания Херсона в VIII–XIV вв. мы проанализируем позже.

³³ Мы вынуждены заметить, что нет ни малейших оснований увязывать правила денежного производства в Риме с реалиями монетного дела Византии. Дело в том, что если автономные полисы античности могли получить право на эмиссию местных средств платежа, то в централизованной Романии как медную монету, так и, тем более, золотую и серебряную чеканили только в государственных мастерских. Естественно, ни о каком пожаловании права на эмиссию Херсон получать не мог. Конечно, в регионах Византии выпускали монету. Но тем не менее будучи чеканена государством, а не местными властями, она обращалась во всей империи. Мы вынуждены акцентировать внимание читателя на этом факте, так как не видим другой возможности опровергнуть суждения многочисленных “автономистов”, неверно трактующих нумизматический материал в пользу своих теорий.